

Смирнов Ю.И.

Добрыня Рязанич

Записывая тексты с упоминанием рязанского происхождения Добрыни Никитича, собиратели не пытались заполучить у исполнителей какие-либодополнительные сведения об этом. Толкователи текстов, чаще менее сведущие, чем даже собиратели, ограничивались беглыми замечаниями о таком курьезе, как рязанское происхождение былинного Добрыни: ведь им, толкователям, в отличие от сказителей, было доподлинно известно о том, что исторический Добрыня был дядей киевского князя Владимира I Святославича. Масштаб рязанского феномена до сих пор, как ни странно, оставался нераскрытым. Чтобы оценить масштаб явления, нужно, как и в любых других случаях, просмотреть все основные сборники былин и извлечь из них необходимые факты. Мы сделали это по старым, почти исключительно дореволюционным записям, не требующим дополнительных разъяснений по поводу сугубо личных домыслов певцов.

О рязанском происхождении Добрыни в пределах фольклорных источников, пожалуй, впервые упоминается в "Сказании о киевских богатырях, како ходили во Царьград...". В нем богатыри уже находятся в Киеве и состоят на службе у князя Владимира. Иными словами, "киевизация" уже стала непреложным фактом и подлинной истиной, а эпическая иерархия признается как действительно существовавшая. Однако при назывании богатырей к их именам порой добавляются прозвища, открывающие их отнюдь не киевское происхождение. Первым в перечислении богатырей уже назван Илья Муромец, вторым – Добрыня Никитич. Отчества для Добрыни, казалось бы, достаточно, и тем не менее в последующем Добрыня награждается еще эпитетом: «Говорит Добрыня Резановичь: "Почто ты, Никита Карачевец, ходил во Царьград?"»¹ Для создателей "Сказания" эпитеты Муромец, Резанович и Карачевец несомненно были значимыми. Карачев – старинный город несколько к востоку от всем известного Брянска, в XIV в. он был даже центром одноименного и довольно крупного княжества, за владение которым между Москвой и Литвой велась долгая борьба, при Иване III завершившаяся присоединением Карачевского княжества к Московскому государству. Карачевом, Рязанью и Муромом в "Сказании" представлен бассейн р. Оки, Поочье. Выходцам из Поочья отведены в нем важные роли. Этого не могли бы придумать в местах к западу или к северу от Москвы хотя бы потому, что там хватало своих героев. Выходцам из Поочья могли отдавать предпочтения сами жители тех мест либо тоже выходцы из Поочья, уже не эпические, а настоящие, почему-либо оказавшиеся в ином краю и сплотившиеся как земляки.

Цитированный список "Сказания" датируют второй половиной XVII в. Он нередко переходил из рук в руки. Судя по записям разных владельцев, он обретался в Белозерском и Череповецком уездах Вологодчины с конца петровской эпохи и почти до воцарения Николая I. Его, разумеется, занесли туда откуда-то с юга.

В другом списке "Сказания о киевских богатырях", датированном по бумаге 80-ми гг. XVII в., в той же фразе Добрыня также величаем Резановичем, а калика Никита уже утратил прозвище². В списке "Сказания", обретающимся в XVIII в. у посадского человека г. Углича, Добрыня дважды назван Рязанцем³. В прочих списках "Сказания", датированных все тем же XVIII в., это прозвище Добрыни отсутствует: тем, кто переписывал "Сказание" для последующего многократного чтения, уже было довольно знать, что Добрыня – это богатырь, состоящий на службе у киевского князя Владимира. Происхождение героя перестало быть значимым. Более важной признавалась его принадлежность к общерусскому кругу киевских богатырей, где по спискам "Сказания" Добрыня неизменно занимал второе место после Ильи Муромца.

"Сказание о киевских богатырях" не относится к числу произведений, в которых Добрыня выступает в качестве главного героя. И если даже в нем упоминается о рязанском происхождении Добрыни, то можно быть уверенными в том, что наряду со "Сказанием" несомненно бытовали произведения, где и в роли главного героя Добрыня должен быть назван рязанцем по происхождению.

Подтверждение этому находим в одной из былин сборника Кирши Данилова, составленного, судя по бумаге, в 80-х гг. XVIII в. Составители сборника дали ей пространное название "Добрыня купался – змей унес" ("Добрыня и змей"). Ее начало вполне определено:

Доселева Рязань – она селом слыла,
А ныне Рязань слывет городом.
А жил во Рязани тут богатой гость,
А гостя-то звали Никитою.
Живучи-то, Никита состарелся,
Состарелся – переставился.
После веку ево долгова
Осталось житье-бытье-богатество,
Осталась его матера жена
Амелфа Тимофеевна,
Осталось чадо милое,
Как молоды Добрынюшка Никитич млад⁴.

После победы над змеем и спасения тетушки Добрыня возвращается к матери, однако ее "дома не годилось". Мать Добрыни вдруг оказывается у князя Владимира⁵. До этого утверждения слушатель мог быть убежден в том, что события происходят в Рязани и вблизи нее. Имя же князя, у которого вдруг "сидит" мать Добрыни, мгновенно переносит былинное действие в Киев. Но Киев в этой былине не упоминается ни разу, а предполагать ближе с Рязанью соседство князя Владимира нет оснований. Киев и Рязань отнюдь не близкие места. Из одного города в другой ни перенестись в мгновение ока, ни дойти быстро пешком. Очевидна неувязка между начальной частью и концовкой былины, чего не скажешь о двух других былинах этого сборника, где Добрыня принадлежит главная роль.

В былине "Три года Добрынюшка стольничал" ("Добрыня и Маринка") место былинного действия определено уже в первом стихе: "В стольном во городе во Киеве" (КД, № 9, с. 86). В былине "Добрыня чудь покорил" ("Добрыня и Алеша") утверждается то же самое: "В стольном городе в Киеве"⁶. Для этих двух былин киевизация места действия – несомненно эпический факт. В обеих этих былинах мать Добрыни названа Афимьей Александровной, тогда как в былине с рязанским местом действия мать величается Омельфой Тимофеевной. Один и тот же, вполне памятный сказитель не позволил бы себе по-разному называть мать Добрыни и помещать родной дом Добрыни то в Рязани, то в Киеве. Былины "Добрыня и Маринка" и "Добрыня и Алеша" в сборнике Кириши Данилова, очевидно, принадлежат к иной местной традиции в лице одного или двух исполнителей, нежели былина "Добрыня и змей" с рязанским местом действия, где упоминание князя Владимира в самом конце, наверное, было добавлено уже редакторами сборника с целью хотя бы таким образом увязать этот текст о Добрыне с двумя другими, помещенными в первой части сборника. Исполнитель этой былины не сам придумал зачин о рязанских корнях Добрыни, однако подтверждения мысли о традиционности зачина нашлись спустя многие десятилетия и даже позже в разных былинах и разных местах их бытования.

Былину "Добрыня и змея (змея)" с зачином о рязанской родине Добрыни находили на Русском Севере. Так на Пинеге было услышано:

Доселе Рязань слободой слыла,
Еще нонь Рязань славным городом.
Що во том Рязани славном городе
Был-жил Микитушка Романовиць.
У того же у Микиты у Романовиця
Родилосе да цядо милоё...⁸

Отчество отца Добрыни, очевидно, было позаимствовано у Никиты Романовича, частого и традиционного персонажа песен и сказок об Иване Грозном⁹. С этим отчеством отец Добрыни упоминается не только в былине "Добрыня и змея (змея)". В ее же пределах рязанской названа родина Добрыни еще на Кулое¹⁰, на нижней Мезени¹¹ и на средней Печоре¹².

На средней Мезени Рязань в зачине заменялась: в одном случае – городом Романовом, очевидно, исходя из отчества отца Добрыни¹³, в другом – Киевом, привычным из-за бытования других былин и потому логически вполне уместным¹⁴.

Порой, пренебрегая упоминанием Рязани, жители Русского Севера совсем отказывались назвать родину Добрыни. Они начинали петь былину сразу со стихов об отце Добрыни, как это наблюдалось на Кулое в контаминированной былине с начальным сюжетом о бое Добрыни со змеем:

А-й жил-был Микитушка, богат человек,
А-й не старилса Микитушка – представилса¹⁵.

Такое же начало имеется в контаминированном тексте, записанном на Терском берегу Белого моря, где, впрочем, Добрыня заменен иным персонажем – Оксеньшком¹⁶.

Как нетрудно заметить, варианты былины "Добрыня и змея (змея)" с зачином о рязанской родине Добрыни фиксировались на Русском Севере в восточной его части. Исключение составляет лишь одна запись этой былины, сделанная в д. Федосеево, рядом с Кандалакшей, в северной части Карельского берега Белого моря¹⁷. Сличение этой записи с вариантами восточной части Русского Севера показывают, что былина с рязанским зачином попала на Карельский берег из восточной части русского Севера, чему не следует удивляться, так как поморы разных мест постоянно встречались на промыслах и, естественно, обменивались фольклорным репертуаром.

В Сибири былину "Добрыня и змея (змея)" записывали исключительно в старожильческих районах, но рязанский ее зачин в чистом виде там редок. Наиболее полно этот зачин подан известным сказителем Л.Г. Тупицыным, жителем деревни близ Барнаула (Алтай):

Доселева Рязань селом слыла,

А нынече Рязань слывет городом.
И жил во Рязане богатый гость,
Что по имени Никита сын Романович,
5 Девяносто лет жил Никита, не старился¹⁸.

Далее зачин у певца прерван обширной вставкой, идущей от былины "Данило Игнатьевич и его сын Михайло": состарившись, Никита вдруг спохватывается и едет в Киев к князю Владимиру. Оказывается, Никита служил князю и теперь оставляет Киев и князя на свое чадо Добрыню, которому от роду три года¹⁹. Так с помощью вставки-перенесения певец сумел вполне логично связать Рязань и Киев, родину Добрыни и его отца с местом их службы. И лишь после описания поездки Никиты в Киев сказитель пропел завершение зачина:

Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богатество,
65 Остается у Никиты молодая жена,
Молода Амелфа Тимофеевна,
Остается у Никиты чадое милое –
Молодой Добрыня Никитичевич,
Молодой Добрыня семи годов²⁰.

По меняющемуся возрасту Добрыни (в год поездки отца ему три года, в год смерти отца – ему семь лет) можно узнать, что Тупицын позволил Никите прожить еще четыре года после поездки в Киев и назначил Добрыне совершить свой первый подвиг в возрасте семи лет, чему не следует изумляться, ибо, для сравнения, в былинах южных славян на Балканах бой со змеихой, запершей дороги, было назначено вести новорожденному мальчику.

Судя по другим сибирским вариантам былины, интерес носителей текста к рязанскому происхождению Добрыни пропадал. На средней Ангаре Рязань заменена Казанью, очевидно, более знакомым названием²¹. На Илимее, верхней Лене, Индигирке и Колыме исполнители начинали текст сразу со слов, представляющих отца Добрыни²², то есть с зачина типа севернорусского "Жил-был Никита..."²³. Поскольку все эти варианты – производные от общей версии, притом идущие от форм, бытовавших в восточной части Русского Севера, то можно достаточно уверенно полагать, что сибирские исполнители опускали упоминание Рязани, название, ставшее им вчуже. Лишь однажды на Индигирке записью был отмечен зачин с упоминанием Рязани (был записан, к сожалению, именно один зачин в силу неопытности записывателя):

Давно же в [!] Рязани городом славе,
Еще нынче в Рязани село стоит,
Еще жил-то в Рязани богатый гость Микита, Новотор-земле
У Микиты було чадое милое спорожденное
5 Да честна вдова Омелфа Тимофеевна...²³

Помимо Рязани, в тексте неожиданно появляется еще упоминание Новотор-земли. Оно, разумеется, привнесено. Однако на Индигирке оно было известно не одному человеку. В 1928 г. зачин былины о Добрыне и змеице прозвучал так:

Еще в те времена первоначальные
Жил Микита в Новотор-земле,
Жил Микита девяносто лет,
Состарился Микита – переставился.
5 Оставалось у Микиты сё житье-бытье, сё богатество
Оставалась у Микиты молодая жена Мелфа Тимофеевна
Во бладых летах Добрыня Микитич...²⁴

Запись 1946 г. от другого, самого признанного на Индигирке исполнителя подтверждала такое звучание:

Жил-то Микита девяносто лет (в) Новотор-земле,
Состарился Микита, переставился.
Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо и вше богатество
Оставалась у Микиты молодая жена,
5 Чесна вдова Амелфа Тимофеевна,
Во бладых летах – Добрынюшка Микитов блад...²⁵

Упоминание Новотор-земли, следовательно, становилось обычным. Записыватели ограничивались механической записью текстов. Поэтому мы уже не узнаем, сами ли русские старожилы Индигирки почему-то вставили в текст упоминание Новотор-земли или какой-то человек, побывав или поселившись там, занес туда некий фольклорный текст, не обязательно именно былину "Добрыня и змея (змеи)" с упоминанием Новотор-земли, позже принятой индигирцами как традиционное место эпического действия.

Новоторами или новоторжцами по сей день называют себя жители Торжка. Судя по письменным источникам, изначально на протяжении XII в. это поселение называлось Новым Торгом. С конца XII в. оно именовалось и Торжком. Двойное название поселения сохранялось и позже, отразившись в самоназвании жителей. До конца 50-х гг. XX в. район официально именовался Торжком, а район назывался по-старому Новоторжским²⁶.

Для того, чтобы вставить в былину упоминание Нового Торга, ставшего на Индигирке Новотор-землей, нужно было быть его уроженцем или по меньшей мере хорошо знать его местоположение, некогда весьма значимое в отношениях между Господином Великим Новгородом и низовскими княжествами. В XX в., а скорее всего и ранее, какое-либо знание о Новом Торге у индигирцев отсутствовало. Названия Киева, Рязани, Нового Торга или какого-то другого города в европейской части страны, насколько нам известно и по собственным впечатлениям, ни о чем не говорили индигирцам. Они могли повторять эти названия вслед за своими предшественниками, могли переносить из текста в текст, разумеется, неуместно, но содержательная или историческая значимость этих названий для них оставалась совершенно неизвестной. Как знать, ни прервись естественная преемственность в бытовании эпических песен, индигирцы, быть может, окончательно прикрепили бы Добрыню к Новотор-земле и в наше время принимались бы уверять очередных собирателей в том, что родина Добрыни – именно Новотор-земля.

Былину сбой Добрыни с Ильей Муромцем" записывали исключительно в восточной части Русского Севера²⁷, при этом рязанский зачин предваряет повествование в большинстве записанных ее вариантов. Этого зачина былины придерживались на Зимнем берегу Белого моря²⁸, на Пинеге²⁹, на Кулое³⁰, на Мезени³¹. Крестьянин М.П. Локтев с р. Немнюги, притока Куля, пропел на запись:

А й доселева Резанюшка слободой слыла,
Уш ноньце Резань да словёт городом.
А во той-де во Резани да во Великою
Уш жил-то был да всё торговой гость,
5 Уш на имя Микитушка Романовичь.
А-й живучи-де Микитушка престарилса,
Да престарилса, да Микитушка преставилса³².

У певца традиционно описываются первые подвиги юного Добрыни. Слава о них дошла до Муромца, до старого казака Ильи Муромца. Тот решает убедиться в действительности славы Добрыни, едет в Рязань и по дороге:

90 Да умом бы своим да он бы розмышлял:
– Да доселева бы Резань да слободой слыла,
Отчего же ноньце словёт она городом?³³

И певец, в отличие от всех других исполнителей этой былины, дал свой ответ на вопрос, которым задался Илья Муромец. У него Илья, подъехав к Рязани, с "шоломя окатиста" видит:

Хорошо-де Резанюшка да изукрашена,
120 Красным золотом Резанюшка да испосажона
Скатным жемцюгом она бы да всё искрашена³⁴.

Это описание Рязани уникально, поэтому можно только предполагать, что оно имело уже в изначальном тексте былины и сохранилось для потомков по стечению обстоятельств.

Известная певица Зимнего берега А.М. Крюкова, не слишком задумываясь, прибавила к упоминанию Рязани еще два названия:

Во Резани-то было, славном городи,
Да во Муроми, во Качарови,
Там ведь жил-то Никита сын Ивановиць,
Ище жил-то князь, князь пребогатой был.³⁵

Другая известная сказительница, пинежанка М.Д. Кривополенова заменила Рязань Киевом³⁶. У нее оба героя проживают уже в Киеве, однако певица в киевизации не пошла дальше. У нее Илья традиционно приезжает к дому Добрыни и столь же традиционно встречается с Добрыней в чистом поле. Почти одинаковое описание поединка в этой былине и в былине "Илья Муромец и его сын" позволило певице отождествить Добрыню с

сыном Ильи Муромца. В самом конце былины певица устами Омыльфы Тимофеевны вдруг объявляет Добрыне о том, что Илья Муромец – его батюшка, между тем ранее, передавая разговор Ильи с матерью Добрыни, певица ни единым словом не намекнула на любовную связь персонажей. Версия М.Д. Кривополеновой – производная от обеих названных былин, контаминация в духе киевизации.

В другом пинежском варианте былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”³⁷ упоминание Рязани снято. Текст начинается сразу со знакомого стиха: “Еще жил-был Микита Романович”. Пренебрежение к месту действия, разумеется, относится к поздним проявлениям бытования эпоса.

Особняком стоит текст, неуклюже озаглавленный собирателем как “Никита Романович, рождение и детство Добрыни”³⁸. Он записан на средней Печоре. Его зачин – все тот же рязанский:

Кабы прежде Резань да слободой слыла,
Кабы ноньче Резань да славен город стал.
А прославилась Резань да добрым молодцом,
Кабы тем же Микитушкой Романовым³⁹.

Певец А.В. Вокуев воспроизвел элементы первой части былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” и даже разбил их своими подробностями вроде наречения Никиты Романовича добрым молодцем. Судя по тексту, певец был внимательным и обладал сказительскими способностями. Тем удивительнее, что у его текста нет продолжения. По существу Вокуев превратил первую часть былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” в самостоятельное произведение. Совершил ли он это по своей воле или при помощи собирателя, узнать уже не придется. Собиратель Ончуков, как известно, зачастую избегал записывать былины полностью, поэтому вполне вероятно, что и в этом случае он довольствовался записью только первой части былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”.

В большинстве вариантов этой былины Илья из Муромца приезжает к Добрыне. О Киеве нет и упоминания, – киевизация проникает в былинку поздно, по-видимому, буквально на глазах у собирателей. Илья и Добрыня, следовательно, осознаются как местные герои. Замысел создателей былины, очевидно, сводился к тому, чтобы противопоставить этих героев и померять их в богатстве.

Очевидно также, что замысел противопоставить уже известного Илью Муромца юному Добрыне, по возрасту совсем ребенку, возник на Рязанщине. Муромцам, убежденным в совершенном превосходстве Ильи, этот замысел просто не мог бы придти в голову. Он мог бы зародиться только в рязанской среде, для чего должны были существовать некие основания. Этими основаниями могли быть уже бытовавшие эпические песни об Илье и Добрыне и слитая с ними вера в действительное существование этих героев в каком-то прошлом Поочья, отдаленном или даже недавнем. Из числа произведений, дошедших до времени их собирания, можно назвать только былины “Илья Муромец и Соловей-разбойник” и “Добрыня и змея (змеи)”. Даже их вполне достаточно для возникновения мысли о противопоставлении героев разных мест. Ко времени возникновения замысла муромцы должны были напрочь привязать Илью к своей родине и, что не менее важно, должны были убедить жителей иных мест, включая, конечно же, рязанцев, в том, что Илья – исконный муромец, прославивший себя победой над Соловьем-разбойником. К этому же времени рязанцы, в свою очередь, должны были с помощью нескольких реальных привязать к себе юного змеборца, при этом настойчиво по вариантам утверждение того, что отец Добрыни – “богатый гость”, пожалуй, свидетельствует о городском происхождении самих создателей рязанской версии былины “Добрыня и змея (змеи)” и былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” и о их нацеленности на исполнение этих песен прежде всего в городской среде.

За замыслом противопоставить уже признанных былинных героев, наверное, кроется какое-то, увы, утраченное знание о ревнивом соперничестве Муромца и Рязани. Муромское княжество, как известно, было присоединено Москвой в 20-е гг. XV в., Рязанское – столетием позже, при Иване III. В этот промежуток времени Рязань еще могла кичиться перед Муромом, какие-то рязанцы еще могли подыскивать для себя доводы в пользу превосходства Рязани над Муромом. В это время для подтверждения доводов о превосходстве, по-видимому, и зародился замысел свести в поединке совсем ребенка рязанича с прославленным муромцем. В сложенной эпической песне рязанич, конечно же, одолевает муромца, что вполне льстило патриотизму рязанцев.

Появление эпического Добрыни Рязанича было замечено и даже принято какой-то частью жителей средней полосы Московского государства. Подтверждением этому служат упоминания о Добрыне Рязаниче в некоторых летописях XV–XVI вв., того же времени, о котором здесь говорилось ранее. Добрыню Рязанича называли участником Липицкой битвы 1216 г. и (или) героем (“храбром”), погибшим на Калке в 1225 г.⁴⁰ – в обоих случаях его упоминали вторым, после Александра Поповича. Это, конечно, не означает, что Добрыня Рязанич действительно участвовал в тех кровавых битвах. За прикреплением Добрыни Рязанича к битвам первой четверти XIII в. скрывалось твердое убеждение людей, вносящих имя эпического героя в летописи, скрывалось даже не убеждение, а вера в то, что он действительно некогда существовал. Для собственной убежденности этим людям нужно было найти время, точки в историческом времени, события, многим хорошо известные и не вызывающие никаких сомнений. И вместе с тем прикрепление Добрыни Рязанича к этим событиям должно было быть непроверяемым, поэтому его нужно было связать с достаточно давними событиями. Люди, вписавшие имя Добрыни Рязанича в летописи, удачно подобрали для него время, события и сотоварища в лице Александра Поповича. Имя ростовского героя к тому времени, наверное, было общепризнанным. В летописях его привязывали к разным событиям в диапазоне XI– XIII вв. Присоединение

Добрыни Рязанича к Александру Поповичу превращало рязанца в героя, равного общепризнанному. Имя ростовского героя служило лучшим подтверждением якобы действительного существования Добрыни Рязанича, но упоминание Добрыни в летописях было недолгим. Внимание к нему летописцев оказалось вспышкой.

Память о Добрыне Рязаниче сохранялась фольклорной традицией, правда, не на самой Рязанщине, где, как и во многих других местах, целенаправленного поиска эпических песен не проводилось. Тексты сохраняли рязанские выходцы. Пока трудно сказать, какие события заставили неизвестное число рязанцев покинуть родные пределы и обрести новую родину в восточной части Русского Севера. На протяжении XVI–XVII вв. в средней полосе Росси происходило много событий, кровавых и трагичных, когда спасением могло быть и бегство в дальние края. Могли быть, разумеется, и принудительные высылки, и направления по службе. Как бы там ни было, но только рязанцы могли унести на север собственную версию былины “Добрыня и змея (змея)” и былину “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”. Обосновавшись на новом месте, по всей видимости, в поречьях Пинеги, Кулоя и Мезени, рязанцы упрямо распевали былины о своем Добрыне и истово передавали их из поколения в поколение. Рязанцы, наверное, довольно скоро перемешались с выходцами из других мест России, но при этом свою убежденность в рязанском происхождении былинного Добрыни они сумели передать и другим людям, благодаря чему тексты о нем получили заметное распространение от Поморья на западе до Печоры на востоке, а затем уже выходцами из восточной части Русского Севера уносились на Урал и далее в Сибирь.

В восточной части Русского Севера рязанский зачин стал традиционным для многих произведений. Певцы иногда переносили его в былину “Бой Добрыни с Дунаем” – все там же, на Кулое⁴¹ и на средней Мезени:

Иише прежде Резань да слободой слыла,
Иише ноньце Резань да словёт славным городом.
Иише был-жил Мекитушка – состарилса,
И как состарилса Мекитушка – преставилса⁴³.

Перенесение зачина наблюдается преимущественно по записям былин на Мезени. Переноса зачин, певцы предпочитали заменить упоминание Рязани другим названием, вероятно, более привычным или знакомым. В былине “Добрыня и Маринка” Рязань заменена Черниговом⁴⁴ или Киевом⁴⁵. В былине “Добрыня и Алеша” произошло то же самое: Рязань заменена Черниговом⁴⁶ или Киевом⁴⁷. Еще в одном варианте былины “Добрыня и Алеша” вместо Рязани пропеваются даже два названия – Казань и Киев⁴⁸, что говорит о неуверенности певца и его неумении пользоваться названиями эпических городов. Этого мезенского певца превзошел печорец Н.П. Шальков. У него былина “Садко” начинается с редкостного соединения реалий, перенесенных из разных былин:

Как прежде Казань да слободой была,
Ищэ нынцэ Казань да Новым городом.
Как во той во Казани, в Новом городе,
У Левонтея-попа, отца Ростовского
5 Кабы было ле пированье-столованье...⁴⁹

На нижней Мезени рязанским зачином открывается другая новгородская былина – о Василии Буслаевиче⁵⁰. Тот же случай отмечен на средней Печоре, причем певец Д.К. Дуркин пошел еще дальше и приписал основание Рязани новгородскому герою:

Преж Резань да слободой была,
А теперь Резань да славной город стал.
Почему это Резань прославилась?
Потому Резань это прославилась,
5 Что хорошо она изпостроилась.
Хто был в городе строителем,
Хто был управителем?
Управителем был Василей сын Буслаевич,
Построил Резань да славным городом⁵¹.

Незвирая на рязанский зачин и другие детали, бытование былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” исключительно в восточной части Русского Севера может побудить думать, что ее сложили именно там. Между тем на Дону в нескольких местах знали контаминированную песню о Добрыне, в которой замечаются следы былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”. Начало песни знакомо:

Как и жил-то был Микита, не богатый человек,
Не богатый он жил, не убогий слыл.
Как таперича Микитушка сыстарилса,

Он сыстарился, Микита переставился.
5 Оставалась у Микити вся жисьё его бытьё,
Вся жисьё его бытьё, вся именица.
А ещё-то оставалась,
Молода его жена (да) с малой детишшею,
С малой детишшею сы Добрынишкою⁵².

То же начало имеется в других вариантах песни⁵³. Это, наверное, объясняется тем, что на рубеже XIX–XX вв. казаки чурались своего рязанского и подобного происхождения, а потому могли убирать из текста упоминание Рязани или других мест средней полосы России. Подтверждение этому случайно и походя замечено собирателем А.М. Листопадовым. Без указания мест фиксации и без привязки к определенному варианту он выделил “вариант зачина” этой контаминированной песни. Оказывается, донские казаки придумали действительно свой зачин, третья строфа которого звучала примечательно:

Не в Казани, не в Рязани,
В славной Астрахани, –
Там и жил-то был Микита,
Не богатый человек...⁵⁴

Казакам, следовательно, был известен рязанский зачин. Отталкиваясь от него, они и создали свой.

В одном из донских вариантов, как и в севернорусских записях былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”, мать Добрыни названа Анельфой Тимофеевной⁵⁵. В донских вариантах песни так же, как и на Русском Севере, нет упоминания Киева, хотя казаки знали Киев как эпический центр и старательно называли его в некоторых других своих песнях с былинными сюжетами.

В песне казаки достаточно подробно описали обучение Добрыни воинскому делу, что естественно для носителей песни. Вместе с тем эта часть песни схожа с начальной частью былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”, а это позволяет полагать: казаки сохранили описание воинского обучения Добрыни, т.к. это было близко их собственному образу жизни.

Далее, едва обучившись, юный Добрыня выезжает в чистое поле, где почти тотчас встречает старичка (“старинку”). Если бы это был безымянный путник или даже калика переходной, исполняющий роль чудесного помощника (подсказчика, мудрого советчика), это вполне укладывалось бы в традиционные рамки, правда, иных эпических произведений, но в донской песне старичок наречен Ильей Муромцем. После этого наречения, казалось бы, следовало бы ожидать поединка, как в севернорусской былине, Однако его нет. Вместо поединка Добрыня сразу набрасывается на Илью с вопросом, где находится жилище Маринки, – такой ход повествования, ранее ничем не обоснованный, алогичен. Казаки определенно пренебрегли логикой. Внешне пренебрежение вызвано необходимостью увязать первую часть песни с сюжетом “Добрыня и Маринка”.

В традиционных вариантах былины “Добрыня и Маринка” переход от начальной части к основной осуществлен без осложнений: мать предупреждает Добрыню об опасности оказаться близ жилища Маринки, Добрыня поступает вопреки предупреждению, чем и предопределены основные события былины. Мотивированное начало этого рода – несомненно традиционное и очень давнее. Сын (дочь) действует вопреки предупреждению матери, – такой переход к основной части повествования нередок во многих фольклорных произведениях, и не только в русских, но и в других славянских, причем в южнославянских эпических песнях он часто просто неперенен. В донской же контаминированной песне о Добрыне традиционное предупреждение матери снято. О Маринке Добрыне вместо матери рассказывает Илья Муромец. Очевидна замена, эволюционный сдвиг. Казаки отказались от традиционной роли матери явно для того, чтобы показать встречу Добрыни с Ильей Муромцем. Они знали, что встреча юного Добрыни со старым казаком была. Об этом их знании говорит и переработанный ими зачин со словами “Не в Казани, не в Рязани”. Иначе говоря, они знали былинку “Бой Добрыни с Ильей Муромцем”, но уже не хотели признавать даже мысль о поединке почитаемых героев: героям должно сражаться не друг с другом, а с настоящими врагами. Казаки отталкивались от былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” и заменили ее мирной встречей богатырей. Так произошла двойная замена прежних традиционных частей текста, предупреждения матери Добрыни и поединка Добрыни с Ильей.

Эта контаминированная песня о Добрыне бытовала не только на Дону. Ее вариант однажды нашли даже среди оренбургских казаков, что свидетельствует как о довольно широком распространении песни в казачьей среде, так и о связях между казаками Дона и Оренбуржья. В оренбургском варианте место действия стало общепринятым:

Во славном во городе во Киеве
Жил-был старой старичок
По имени старинушка Микитушка.

Живши-бывши состарился и преставился.
5 Оставалось у Микитушки все житье-бытье и все именице,
И весь широкий его двор со подворьицем,
Оставалась у Микитушки молода его жена с малым вьюношем⁵⁶.

Старичок предстает перед Добрыней безымянным. Киевизация оренбургского варианта и безымянность старичка безусловно относятся к признакам последующего эволюционного изменения по сравнению с донскими записями этой контаминированной песни.

В иной форме отголосок знания былины "Бой Добрыни с Ильей Муромцем" обнаружился у астраханских казаков. В одной записи, оставляющей впечатление цельности, рассказывается о том, как мать, родив Добрыню, убаккивает его в колыбели, предвещает ему умение "коником владать" и из ружья стрелять и предупреждает:

Ты поедешь, мой сыночек, во поле гулять,
Не наезживай на старого Илью Муромца⁵⁷.

Добрыня спрашивает, как ему узнать Илью Муромца. Мать говорит, что Ильюшеньку можно узнать по шубеночке, описание которой сюда перенесено явно из былины "Илья Муромец и разбойники". Ответом матери текст завершается. В целом текст можно принять за начало пространной эпической песни типа тех, какие находили в восточной части Русского Севера: в них, по сходству встречи и поединка, сливались вместе былины "Илья Муромец и его сын" и "Бой Добрыни с Ильей Муромцем", – иными словами, в них Добрыня признавался сыном Ильи.

Другой астраханский текст состоит из произвольно соединенных отрывков разных былин о Добрыне. В нем уже в первом стихе определено место действия: "Как во славном городе Киеве". Затем отмечено начальное время: "во киевску (!) заутреню" молода вдова (!) Амелфа Тимофеевна породила Добрыню. Укачивая его в колыбели, она

Ласковым словечком приговаривала:
– Ты, баю-баю, дитя малое,
Когда будешь на возрасте,
Будешь конем владать, коня седлать,
Поедешь во чистое поле казаковать,
Не наезживай в поле на старого, на малого (!)⁵⁸.

Этими словами начальная часть песни резко обрывается. Сразу после них напоминает о другом герое:

Не старый ли в поле казак шатается,
Зашатался, загулялся
Храбрый славный казак Илья Муромец⁵⁹.

В этих стихах можно почувствовать напоминание о некоей встрече Добрыни с Ильей, на что намекает и приведенная ранее астраханская запись.

А далее в тексте появляется другой отрывок – Добрыня просит у матери благословения, получает его и женится. За этим отрывком следуют заключительные стихи, близкие казакам: "на восьмой день" свадебного пира Добрынюшке приказ пришел "выезжать на заставу богатырскую, чтоб сменил казака Илью Муромца". Здесь опознается измененный мотив из другой былины, в которой Добрыня просит у матери благословения ехать искать названного брата Илью Муромца.

При всей скупости и отрывочности казачьих песен, они все же свидетельствуют о первоначальном бытовании былины "Бой Добрыни с Ильей Муромцем" в средней полосе России, откуда ее и разносили по разным порубежьям государства.

Примерно в 60-х гг. XIX в. известный драматург А.Н. Островский записал странноватую былинку в Коломне, старинном городе, стоящем на полпути между Москвой и Рязанью. Былина содержит всего 18 стихов. В ней утверждается, что из славного Царя-града выехал сильный славный богатырь Добрыня, он хвалится-выхваляется Киев "мимоходом" взять, и при этом:

5 А Илью Муромца, Ильюху в ногах его стопчу,
А российского (!) князя Владимира – мечом голову срублю!⁶⁰

Узнав об этом, Илья начинает седлать коня. Описание седлания заняло 7 стихов, т.е. почти половину текста. Сразу после седлания коня следуют скупые заключительные стихи:

И поехал Илья Муромец во чистое поле,
Он встречает, Илья Муромец, Добрыню-богатыря
И предал его, Добрынюшку, злой смерти⁶¹.

Нет оснований подозревать драматурга в подделке текста. По месту выезда и по похвальбе видно, что Добрыня выступает тут в роли этнического / эпического противника, – оттого и Илья поступает с ним, как с врагом. Но роль этнического противника по определению, традиционно никак не могла быть присуща Добрыне. В этом отношении коломенская былина уникальна. Очевидно здесь произошла подмена.

Коломенская былина более всего похожа на очень стяженный вариант былины “Илья Муромец и его сын”. В данном случае сыном Ильи, видимо, считался Добрыня, как это фиксировалось в восточной части Русского Севера, где былины “Илья Муромец и его сын” и “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” некоторыми певцами сливались в единый текст. Это желание певцов отождествить Добрыню с сыном Ильи Муромца чаще замечалось на Кулоеб², причем, в отличие от собственно былины “Илья Муромец и его сын”, в этой версии былины “Бой Добрыни с Ильей Муромцем” поединок непременно заканчивался мирным исходом.

Севернорусские певцы четко различали персонажей по этнической принадлежности. Если они признавали героев русскими, то не доводили поединок между ними до убийства кого-либо из них. Они строго придерживались неписанной нормы: герои, признанные этнически своими, не могут убивать друг друга. Создатели и исполнители былин, разумеется, знали, что в действительности русские убивали и убивают друг друга, и тем настойчивее они противопоставляли эпическую норму действительности. Поэтому у них поединок Добрыни и Ильи нередко завершался братанием⁶³, как бы ни нелепо выглядело это братание между ребенком Добрыней и старым казаком Ильей Муромцем. Коломенский исполнитель отверг неписаную норму. У него, быть может, имелись какие-то резоны, если не считать, что имя Добрыни ни о чем ему не говорило.

Вариантов коломенской былины не найдено, отчего, если не теряться в догадках, ее рассмотрение видится невозможным. Между тем по соседству с Коломой, где-то в Рязанской губернии была записана антитеза коломенскому тексту: едучи, старый, под которым все подразумевают Илью Муромца, своей храбростью выхвывается:

5 – Не лучит мне Бог в Царе граде быть?
Вот я турочек всех повырублю,
А турчаночек во полон возьму!⁶⁴

Такая похвальба не характерна для любого русского богатыря, тем более для Ильи Муромца. Она – антитеза традиционной похвальбе или угрозе этнического / эпического противника и, конечно, возникла только на позднем этапе эволюции русского эпоса. Упоминание Царьграда в связи с турками несомненно указывает на то, что антитеза сложилась не ранее XVIII в., насыщенного русско-турецкими войнами.

В рязанском тексте антитеза не получила подкрепления или опровержения. Сразу после похвальбы старый сталкивается не с турками, а с разбойниками, – следует сюжет былины “Илья Муромец и разбойники”. Подлинное продолжение здесь, надо думать, почему-то опущено и вместо него подставлен рассказ о встрече старого с разбойниками. Бытование текстов с подлинным продолжением антитезы обнаружилось только в Сибири, в 40-х гг. XIX в. в Барнауле и в начале XX в. в Омске⁶⁵.

В сибирских вариантах после похвальбы старого казака Ильи Муромца тотчас навстречу появляется “молодой турок”⁶⁶ или “богатырь-турок”⁶⁷. “Молодой турок”, поздоровавшись, корит: “Что ты, Илюша, рано похваляешься?” “Богатырь-турок” не здоровается и действует без слов. Как это обычно для начала описания былинных поединков, персонажи разъезжаются. Тут опущено хотя бы одно слово “съехались” для фиксации встречной скачки. Описание поединка предельно сжато: “Приразъехались они, приударились”⁶⁸; “Приразъехались, приударились”⁶⁹. Певцам было важнее сказать, кто как бьет копьём: турок бьет острым концом копья, Илья – тупым концом, явно не из желания убить противника. Не говорится, удалось ли турку хотя бы зацепить Илью. Исполнители, надо полагать, не допускали и мысли об этом. Поединок у них превратился в быструю сшибку: Илья выбил турка из седла. Омский певец завершил текст несколькими словами о падении турка наземь, оставив слушателей гадать о дальнейшей судьбе турка. Барнаульский певец этим не удовлетворился. У него Илья поддевает упавшего турка тупым же концом копья, несет по чистому полю и бросает во сине море.

Ясно, что сначала должно было существовать произведение типа коломенской былины, в котором из Царьграда выезжает этнический / эпический противник с вариацией традиционной похвальбы или угрозы. Зная такой текст, создатели антитезы отталкивались от него. Они, наверное, рассуждали примерно так: если из Царьграда выезжал некто с угрозой “нашим”, то почему бы, предупреждая подобные выезды впредь, от “нас” не может выехать герой, да еще такой, как всем известный старый казак Илья Муромец? Напомним, что именно с целью предупредить нападение на Киев в “Сказании о киевских богатырях” речь идет о хождении

богатырей в Царьград, без ведома и разрешения князя Владимира. В этом отношении перекличка былины со "Сказанием" очевидна.

В речи выехавшего из Царьграда противника – в тексте типа коломенской былины – звучат прямые угрозы Илье Муромцу и князю Владимиру. Создатели антитезы не знали равноценных фигур с турецкой стороны, да и вряд ли хотели это знать. Им было достаточно упоминания турок и турчанок в краткой речи Ильи Муромца. Намерение Ильи они обусловили вопросом "Не лучит ли Бог...?". В нем слышится не только упование на высшую силу. За этим вопросом скрываются рассуждения самих создателей былины: вот если из Царьграда турки пойдут на "нас", тогда придется с ними воевать, тогда, буде "лучит" Господь Бог, доведется и в Царьграде быть. Создатели текста позволили Илье думать только о том, чтобы "в Царьграде быть", а не о том, чтобы Царьград выжечь и на пепел пустить, как это грозит учинить с Киевом тот или иной противник.

Коломенскую былинку и ее антитезу связывают: упоминание Царьграда, как места, где засел действительный или возможный враг; довольно симметричные угрозы персонажей; предотвращение угрозы через поединок. Поскольку в антитезе противником Ильи Муромца выступает турок, то при таких узловых совпадениях обоих произведений можно с достаточной уверенностью полагать, что в коломенской былинке Илье Муромцу первоначально противостоял не Добрыня, а турок. Подмена произошла, наверное, не без какого-то знания исполнителем былины типа "Илья Муромец и его сын" и "Бой Добрыни с Ильей Муромцем".

Итак, самые ранние упоминания о Добрыне Рязаниче встречаются на страницах некоторых летописей XV–XVI вв. Добрыню Рязанича или Рязанца знали создатели "Сказания о киевских богатырях, како ходили во Царьград...", судя по спискам второй половины XVII в. Впервые былинку о Добрыне с рязанским зачином открыли на Урале во второй половине XVIII в. Почти столетие спустя еще былинку о нем с тем же зачином записали на Алтае. Несколькими десятилетиями позже в разных местах восточной части Русского Севера, от Поморья до Печоры, обнаружилось прочное бытование былины с рязанскими реалиями "Добрыня и змея (змея)" и "Бой Добрыни с Ильей Муромцем". Выходцы из восточной части Русского Севера унесли в Сибирь рязанскую версию былины "Добрыня и змея (змея)". Следы бытования былины "Бой Добрыни с Ильей Муромцем" замечаются в эпической традиции донских, астраханских и оренбургских казаков. На вероятное бытование былины "Бой Добрыни с Ильей Муромцем" намекает запись уникального текста в Коломне, близ Рязанщины.

Собранные вместе крупницы упоминаний и записи эпических песен позволяют утверждать, что образ Добрыни Рязанича сложился примерно пять веков назад и сохранялся в фольклорной традиции разных мест. Явственнее этот образ представлен в былинах "Добрыня и змея (змея)" и "Бой Добрыни с Ильей Муромцем".

Примечания

1 Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Подгот. А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.С. Скрипиль. М; Л., 1960. № 32. С. 152.

2 Там же. № 33. С. 155.

3 Там же. № 34. С. 157–158.

4 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А.А. Горелов, Е.И. Якубовская. СПб., 2000. № 48. С. 297.

5 Там же. С. 300.

6 Там же. № 9. С. 86.

7 Там же. № 21. С. 181.

8 Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899 – 1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа / Под ред. А.А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. № 87. С. 281.

9 Добрыня Никитич и Алеша Попович / Подгот. Ю.И. Смирнов, В.Т. Смалитский. М., 1974. С. 376.

10 Архангельские былины... Т. II. № 228, 301.

11 Там же. Т. III. № 342.

12 Печорские былины / Зап. Н.Е. Ончуков. СПб., 1904. № 59.

13 Архангельские былины... Т. III. № 408.

- 14 Там же. № 370.
- 15 Там же. Т. II. № 213. С. 43.
- 16 Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским. Часть вторая: Терский берег Белого моря. М., 1908. № 26.
- 17 Марков А.В. Из истории русского былевого эпоса. Вып. II. М., 1907. С. 45–48.
- 18 Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Подгот. Ю.И. Смирнова, Т.С. Шенталинской; Под ред. Б.Н. Путилова. Новосибирск, 1991. № 9. С. 62.
- 19 Там же. С. 62–63.
- 20 Там же. С. 64.
- 21 Там же. № 10.
- 22 Там же. № 11, 12, 14, 17, 19.
- 23 Там же. № 16. С. 79.
- 24 Там же. № 13. С. 74.
- 25 Там же. № 15. С. 77–78.
- 26 Малыгин П.Д. Древний Торжок. Калинин, 1990. С. 17, 23–24.
- 27 Добрыня Никитич и Алеша Попович...
- 28 Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н.С. Тихонравова, В.Ф. Мил-лера. М., 1894. № 15; Материалы, собранные в Архангельской губернии... Часть вторая. № 11; Марков А.В. Указ. соч. № 71, 108.
- 29 Архангельские былины... Т. I. № 129.
- 30 Там же. Т. II. № 229, 235, 254, 266.
- 31 Там же. Т. III. № 391.
- 32 Там же. Т. II. № 229. С. 141.
- 33 Там же. С. 143; см. также Русские былины... № 15.
- 34 Архангельские былины... Т. II. С. 144.
- 35 Марков А.В. Указ. соч. № 46. С. 230.
- 36 Архангельские былины... Т. I. № 113.
- 37 Там же. № 186.
- 38 Печорские былины. № 63.
- 39 Там же. С. 258.
- 40 Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 340–341.
- 41 Архангельские былины. Т. II. № 226, 281, 286.
- 42 Там же. Т. III. № 412.
- 43 Там же. С. 538.

- 44 Там же. № 359.
- 45 Там же. № 379.
- 46 Там же. № 361.
- 47 Там же. № 371.
- 48 Там же. № 353.
- 49 Печорские былины. № 75. С. 301.
- 50 Архангельские былины. Т. III. № 307, 322.
- 51 Печорские былины. № 48. С. 204.
- 52 Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. I, ч. I / Под ред. Г. Сердюченко. М., 1901. № 20. С. 106.
- 53 Там же. № 21; Харламов В. Былины из Донской области / Этнограф. обзор. 1902. № 2. С. 131–133.
- 54 Былины новой и недавней записи / Под ред. В.Ф. Миллера... М., 1908. № 22.
- 55 Там же. С. 111.
- 56 Там же. № 20.
- 57 Песни оренбургских казаков. Собрал сотник А.И. Мякутин. Т. II. Оренбург, 1904. С. 12; Былины новой и недавней записи. № 25. С. 48.
- 58 Былины и песни астраханских казаков. Для однородного хора собрал и на ноты положил А.А. Догадин. Астрахань, 1911. Вып. I. № 6. С. 4.
- 59 Там же. № 5. С. 3.
- 60 Там же. С. 4.
- 61 Былины новой и недавней записи. № 20. С. 35.
- 62 Там же. С. 36.
- 63 См., например: Архангельские былины. Т. II. № 213, 254, 266.
- 64 Русские былины... № 15; Материалы, собранные в Архангельской губернии... Часть первая. Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица. М., 1905. № 11; Марков А.В. Указ. соч. № 71, 108; Архангельские былины. Т. I. № 129, 150; Т. II. № 229, 235; Т. III. № 351 и др.
- 65 Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 1. М., 1860. С. 15.
- 66 Русская эпическая поэзия... № 81, 82.
- 67 Там же. № 81.
- 68 Там же. № 82.
- 69 Там же. № 81.
- 70 Там же. № 82.